

Чжао Минлан, увидев его безразличное выражение лица, с насмешкой произнёс:

— Брат Ань Жун, о красавице Шэнь ты даже мечтать не смей. Если Янь Янь узнает, она поднимет такой шум, что небо с землёй сойдутся.

Ань Жун всё так же улыбался, не произнося ни слова.

— Кстати, я слышал, что Янь Янь тайком приходила к тебе. Ты и не представляешь, как она, вернувшись в усадьбу, по словам Му Цинчу, целыми днями сидит дома и вышивает. Мне просто любопытно, что ты ей сказал, что её характер так изменился, что это просто поражает.

Ань Жун задумался на мгновение, и почему-то снова вспомнил того раба-черепаху, который в тот день привёл Янь Янь к нему. Его лицо слегка побледнело, пальцы сжали книгу в руках ещё сильнее, суставы стали заметнее. Даже Чжао Минлан слегка встревожился, размышляя, не сказала ли Янь Янь что-то неуместное, что разозлило Ань Жуну. Но вряд ли, ведь хотя Янь Янь и любит пошалить, она всей душой предана своему брату Ань Жуну и вряд ли могла сказать что-то обидное.

Увидев, что Ань Жун погрузился в свои мысли, Чжао Минлан снова осторожно спросил:

— Я слышал от Янь Янь, что в тот день у неё произошла какая-то неприятность. Может, она у тебя кого-то встретила?

Ань Жун с силой захлопнул книгу, его лицо потемнело, будто он был измотан. Он закрыл глаза на мгновение, затем внезапно открыл их. Его взгляд стал немного яснее, но он всё ещё не отвечал. Чжао Минлан, глядя на своего давнего друга с его глубоким и сдержанным характером, понял, что, вероятно, никогда не сможет его понять. Ладно, не буду больше беспокоить, лучше отправлюсь домой.

Перед уходом Чжао Минлан вдруг вспомнил:

— Когда я шёл сюда, я видел того раба-черепаху, того, кому ты приставил нож к горлу. Он увидел меня, будто привидение, хотя я ведь его спаситель. Вы все в этом заведении — странные люди.

Чжао Минлан, возможно, говорил это с намёком, указывая на то, что Ань Жун игнорирует его вопросы, но Ань Жун услышал только слова о рабе-черепахе. Его лицо стало ещё мрачнее.

— Где ты его видел?

Чжао Минлан окончательно растерялся. Этот парень, оказывается, слушает только то, что хочет. На его вопросы он не отвечает, а сейчас уши у него вдруг стали острыми. С досадой он ответил:

— В главном зале вашего заведения.

С тех пор, как они случайно встретились с А Ци во дворе, прошло уже около десяти дней. За эти дни, несколько раз не мог уснуть, Ань Жун вспоминал слова того человека: он больше не смеет мечтать. Хотя это было хорошо, но иногда, вспоминая его отчаянные слова, он чувствовал, как что-то застревает у него в груди, не поднимаясь и не опускаясь. Более того, Ань Жун с удивлением обнаружил, что начал обращать внимание на того раба-черепаху по имени А Шэн. Когда ему было тревожно, взгляд на крепкого и сильного А Шэна успокаивал его, будто он съел успокоительное. Но что же его успокаивало...

— Эй, я ухожу!

Чжао Минлан уже собирался уходить, когда Ань Жун очнулся и сказал:

— Брат Минлан, я провожу тебя.

— Раньше ты не был таким вежливым, сегодня, видимо, солнце взошло с запада...

Ворчание Чжао Минлана было тихим, но Ань Жун всё же услышал его.

Тем временем тётушка Мэй, узнав, что покровитель Хуалина пришёл, поспешила найти А Ци и наказала ему ни в коем случае не идти к Хуалину сейчас, чтобы не вызвать подозрений у его покровителя. А Ци промямлил в ответ лишь несколько слов:

— Хм.

Глядя на тётушку Мэй, её пышные формы, покачивающиеся при ходьбе, А Ци вздохнул. Он намеренно занимал себя работой, чтобы не думать о том неблагодарном человеке, но кто-то снова напомнил ему, что жизнь становится всё тяжелее.

Вскоре после того, как господин Чжао поднялся наверх, А Ци увидел, как он спускается. Вечером, в главном зале, А Ци снова увидел этого господина. В прошлый раз он поднялся наверх, чтобы посмотреть, как тот выглядит, но был пойман, и господин Лин приставил нож к его горлу. Сердце всё ещё сжималось от страха, поэтому, увидев его сейчас, он испугался и не посмотрел на него. Теперь, глядя, как он спускается с второго этажа, в тёмно-синем широком халате с золотым поясом, с грацией в каждом движении, А Ци подумал: он тоже красивый и благородный господин. Может, только такие яркие и великолепные люди достойны Ань Жун.

А Ци украдкой смотрел на удаляющуюся фигуру, но тот вдруг остановился у входа заведения, будто чего-то ожидая. Увлёкшись наблюдением, он совсем не заметил, как с второго этажа спустился Ань Жун.

Ань Жун, увидев, как А Ци внимательно смотрит на Чжао Минлана, почувствовал внезапную волну гнева. Проходя мимо, он холодно взглянул на него.

Чжао Минлан почувствовал странную атмосферу и кашлянул:

— Я ухожу, зайду как-нибудь ещё.

А Ци не посмел смотреть на Ань Жун и не мог продолжать работу, только смотрел на удаляющийся тёмно-синий силуэт, пока Ань Жун не оказался прямо перед ним. Его высокая фигура закрыла большую часть света, и А Ци почувствовал, как его взгляд померк.

— Господин Лин.

А Ци опустил голову, не смея послушаться. Этот человек в прошлый раз ясно дал понять.

— На что ты смотрел?

А Ци всё ещё опустил глаза, слегка нахмутив брови, не понимая, что он имел в виду. Кажется, он ничего не смотрел.

Молчание и покорность А Ци ещё больше разозлили Ань Жун. Сегодня он действительно был хорош: перед ним он выглядел как раб, а перед другими мужчинами его глаза были ясными и

яркими. Ань Жун схватил его за воротник и потащил на второй этаж. Этот поступок удивил других куртизанов и гостей заведения. Господин Лин всегда был мягким, и никто никогда не видел его таким злым, но все решили, что А Ци просто обидел его, и быстро забыли об этом. Однако тётушка Мэй, с блеском в глазах, понимала, в чём дело.

Ань Жун буквально втащил А Ци в свою комнату, а затем с силой швырнул его на пол. Воротник его куртки был расстёгнут, обнажая шею, на жёлтой коже которой выделялся длинный тонкий шрам. Одежда на нём была вся в заплатках, будто он носил её уже много дней.

А Ци попятился, что задело Ань Жуну. Этот человек явно его боялся.

Ань Жун подошёл к А Ци, присел, поправил его воротник, затем коснулся шрама на шее. Ощувив выпуклость, он быстро убрал руку и сел на пол. А Ци дрожал всё сильнее, не зная, что этот человек задумал.

Спустя долгое время Ань Жун наконец заговорил, повторив тот же вопрос:

— Ты внизу смотрел на Чжао Минлана?

Да, Ань Жун сказал именно Чжао Минлана, а не господина Чжао. Эти мелкие различия, вероятно, знал только он сам. Он ревновал.

— Нет, я не смотрел на него.

— Впредь не смотри на других мужчин. Чжао Минлан нельзя, и А Шэн тоже.

— Понял...

Эти слова звучали странно, но А Ци не посмел ослушаться. Раньше он запретил ему мечтать о нём, и он изо всех сил старался забыть эти мысли. Теперь он запретил ему смотреть на других мужчин. Видимо, этот человек хочет, чтобы он остался одиноким и беззащитным.

Ань Жун наконец выдохнул, чувствуя облегчение. Взглянув на старую и тонкую куртку А Ци, он решил подарить ему новую одежду. Поднявшись, он порылся в шкафу, но его вещи не подходили. Тогда он достал несколько лянов серебра из ящика и протянул их А Ци:

— Возьми эти деньги и купи себе зимнюю куртку.

А Ци не протянул руку, опустив голову:

— Благодарю за доброту, господин Лин, но эта одежда ещё годится.

Ань Жун разозлился, с силой бросил серебро, которое ударило А Ци. Тот выдержал удар, не двигаясь.

— Неблагодарный.

Эти слова, произнесённые с гневом, А Ци прекрасно понял. Но что его так разозлило? Он был высокородным человеком, который не показывал своих эмоций, и А Ци больше не пытался угадать его мысли.

Спустя долгое время Ань Жун наконец произнёс:

— Убирайся.

<http://bllate.org/book/16237/1459351>